

К ВОПРОСУ ОБ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ СВОЙСТВАХ И СОДЕРЖАНИИ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

© 2015. Михаил Васильевич Бородач¹

Аннотация: в работе отражены результаты проведенного автором исследования вопроса о свойствах и конкретном содержании публичных интересов, служащих основанием для существования и эволюции феномена публичной собственности. На основе аксиологического подхода к оценке правовых явлений сделан вывод о том, что содержание публичных интересов фокусируется вокруг таких социальных ценностей, которые имеют определяющее значение для существования общества, его идентичности и последовательного развития. Содержание публичных интересов, выступающих действительным основанием феномена публичной собственности, таким образом, предопределяет онтологическую парадигму данного феномена, социальное предназначение публичной собственности в конкретно-исторических условиях. В частности, автор обосновывает тезис о том, что объективные свойства публичных интересов позволяют говорить об их сугубо конституционно-правовой природе и, как следствие, о конституционно-правовой природе тех социальных феноменов, в основании которых такие интересы непосредственно находятся.

Annotation: the research contains the results of author's reflections on the issue of distinctive features and specific meaning of public interests forming the basis for existence and evolution of the public property phenomenon. Author uses the axiological approach to analyze relevant social and legal institutions, and consequently states the conclusion that the specific meaning of public interests is focused on those societal values which have the determinative significance for the existence of certain nation, its societal and cultural identity, and progressive advance. The specific meaning of public interests forming the actual basis of the public property phenomenon, thus predetermine its ontological paradigm and the societal mission of public property in the context of certain historical background. Particularly, author argues the opinion that the distinctive features of public interests give the reason to state their only constitutional legal nature and, as a consequence, to state the only constitutional legal nature of any societal phenomenon based on those interests directly.

Ключевые слова: публичные интересы, публичная собственность, социокультурные ценности, общество (нация), аксиология права.

Key words: public interests, public property, societal and cultural values, society (nation), legal axiology.

Признание факта существования в общественной жизни, по существу, лишь двух типов социальных интересов – частных и публичных, равно как и отсутствия между ними непреодолимой грани, служит побудительным мотивом к более предметному обсуждению их отличительных свойств, прежде всего в содержательном отношении. Исследование содержания публичных интересов приобретает еще большую значимость, если рассматривать их как непосредственное социальное основание феномена публичной собственности: по сути, содержание публичных интересов и их иерархическая дифференциация в этом случае становятся фактором онтологической парадигмы публичной собственности, позволяя получить рельефное видение социального предназначения последней и определить целевые доминанты пра-

вового регулирования соответствующей сферы общественной жизни.

Если исходить из того, что “публичный” и “частный” являются контрарными² характеристиками интересов, то в поиске различий между ними следует отталкиваться от социальных оснований, на которых вообще строятся бинарные оппозиции: “личность – общество”, “личность – государство” и “общество – государство”. В этом случае ряд доктринально выделяемых различий между публичными и частными интересами мог бы предположительно выглядеть следующим образом.

1. Частный интерес, вовлеченный в орбиту правового регулирования (т.е. будучи социально признан и квалифицирован в качестве юридически значимого), всегда имеет персонифицирован-

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (Email: supanova@yandex.ru).

² Именно контрарными (в смысле противоположности), а не контрадикторными (что означало бы их имманентное противоречие и беспрестанное противоборство).

ную связь с индивидом или группой индивидов. Публичный интерес в своей основе не имеет персонифицированной связи с индивидами или их группами; в противном случае нарушалось бы свойство его универсальности. Даже в тех случаях, когда содержание публичного интереса связано с признанными в обществе нормами морали, нравственности, общественного порядка и этики, нарушение которых в отношении определенного индивида имело место быть (например, совершена кража имущества), носителем публичного интереса продолжает выступать общество в целом как среда, в которой “живут” эти нормы морали, нравственности, общественного порядка и этики. Таким образом, публичный интерес всегда лежит в плоскости коллективных представлений об общественном благе и вреде, справедливости и несправедливости и т.д., а потому не может определяться во взаимосвязи с системой мировоззренческих координат конкретных, отдельно взятых индивидов.

2. Частный интерес для того, чтобы приобрести юридическое значение, должен быть объективирован. Необходимость такой объективации связана с тем, что существование частного интереса, в том числе его социальная полезность (или, как минимум, безвредность), должны быть признаны в нормах позитивного права. Это свойство любого частного интереса обусловлено известной аксиомой о том, что права и свободы одного лица заканчиваются там, где начинаются права и свободы другого лица³.

В силу того, что публичный интерес в своей основе не имеет персонифицированной связи с индивидами или их группами, он, напротив, в отличие от частного интереса, способен приобрести правовое признание и правовую защиту независимо от того, имеет он в большей или

меньшей степени определенную объективацию или не имеет ее вовсе. Публичный интерес может существовать независимо от того, закреплён он или нет в нормах позитивного права, поскольку соприкасается с плоскостью признанных и укоренившихся в обществе идеалов и антипатий, а чаще всего и “произрастает” из этой среды. Если обратиться к постулатам теории естественного права, то, поскольку единственным источником публичной власти в государстве всегда выступает лишь народ этого государства, ни одна из установленных государством норм позитивного права не сможет обрести в общественном восприятии “право на жизнь”, если она находится в противоречии с публичным интересом (а точнее, его социальными основаниями – представлениями о должном и не должном, справедливом и несправедливом и т.д.). Конечно, при помощи инструментов позитивного права можно “записать на бумаге” совершенно любые правила и порядки, однако смысл права в его исполнении и, по возможности, исполнении добровольном.

Соответственно, емкость публичного интереса такова, что он всегда первичен по отношению к позитивному праву, ибо и само позитивное право по своему содержанию должно быть направлено на удовлетворение публичных нужд.

3. Отмеченный выше признак любого частного интереса, заключающийся в необходимости его объективации при помощи норм позитивного права, позволяет выявить еще одно закономерное различие между частными и публичными интересами. Частный интерес для того, чтобы быть вовлеченным в орбиту правового регулирования, должен быть с большей или меньшей степенью определенности формально-юридически или доктринально закреплён при помощи словесно-логических описаний. Доктринально, если речь идет о частных интересах, существование которых должно быть признано применительно к тем сферам личной жизни индивидов, которые не подлежат правовому нормированию вовсе либо подлежат такому нормированию лишь в определенной части, как правило, не в регулятивных, а в охранительных целях (брачные правоотношения, родительские правоотношения и др.); сюда же следует отнести и случаи, когда социально признанный частный интерес уже присутствует в фактических общественных отношениях, пока еще не регулируемых правом.

Собственно, указание на данную особенность частных интересов связано с тем, что право как социальный феномен представляет собой прежде всего текст; следовательно, всё, чего касается

³ Разумеется, изложенная посылка может встретить возражение с точки зрения теории естественных прав. Однако, как известно, к естественным правам любого человека могут быть отнесены лишь те, которые служат удовлетворению самых первичных, фундаментальных потребностей личности, без которых невозможно было бы само ее существование. Стало быть, в силу данного обстоятельства сами естественные права имеют в основе своей лишь публичный интерес, ибо принадлежат они всем и каждому (без набора прав и свобод, признаваемых естественными, невозможно было бы существование и развитие человечества в целом). Разве право на жизнь может интерпретироваться по своему содержанию сугубо только по отношению к отдельно взятым индивидам? Как результат, первичность, всеобъемлющий характер и всеобщность естественных прав “переводят” их в плоскость публичного интереса и, по существу, делают не зависящими от юридического нормирования в рамках позитивного права.

право как регулятор общественной жизни, имеет действительное или потенциальное текстовое выражение. В этой связи Ю.Ю. Ветютнев в своем исследовании аксиологии правовой формы отмечает, что “наглядная характеристика права состоит в том, что оно обладает ярко выраженным текстуальным характером, то есть представляет собой знаковую систему... Не существует таких явлений, событий, процессов, которые являлись бы правовыми объективно, по природе своей, вне особого способа письменного закрепления”⁴. Далее он констатирует: «Разумеется, вся правовая реальность не может быть сведена к корпусу письменных источников, однако все ее “неписанные” компоненты являются сугубо производными и подчиненными, они не обладают автономным и самодостаточным бытием в отрыве от порождающего их текста. Например, юридическая сделка может быть совершена в устной форме, однако это возможно лишь благодаря юридическому предписанию, содержащемуся в писаном тексте Гражданского кодекса»⁵.

Таким образом, частные интересы, реализуемые в определенных регулируемых правом общественных отношениях, в силу отмеченного свойства права как текста всегда подлежат более или менее детализированному предметному отражению в нормах права – сквозь призму устанавливаемых субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей.

В отличие от частных интересов, интересы публичные (по соображениям, приведенным выше, касательно их объективации) способны пользоваться юридическим признанием и правовой защитой независимо от того, имеют ли они внешнее формально-юридическое закрепление. Публичные интересы чаще всего настолько емкие по своему содержанию и диапазону возможных проявлений в жизни людей, что не поддаются точному описанию при помощи традиционного юридического синтаксиса по схеме “права – обязанности”. Следовательно, публичные интересы, выводимые нередко из “живущих” в обществе представлений о благе и вреде, нравственном и безнравственном, справедливом и несправедливом и т.д., находят ближайшее свое словесно-логическое выражение, насколько оно является возможным, в нормах конституции государства, а также в актах конституционно-правовой отраслевой принадлежности, почти полностью “прячась

от пытливых глаз” исследователей и правоприменителей, когда речь идет об отраслях права, призванных регулировать прежде всего взаимоотношения между конкретными индивидами и рассчитанных на юридическое упорядочение соотношения интересов частных.

4. Частные интересы, вводимые в орбиту правового регулирования, есть отражение существующего в конкретном обществе соотношения личности, общества и в конечном счете государства, если учесть, что эти интересы закрепляются нормами позитивного права, “рождаемого” в ходе осуществления государством правотворческой функции. С этих позиций частные интересы, даже будучи сформулированы в предельно обобщенном своем выражении, в любом случае гораздо более многообразны, чем интересы публичные. Поэтому частные интересы могут иметь различную отраслевую юридическую принадлежность, а если речь идет о частных интересах, которые пока не введены в рамки правового поля, соответственно, вообще не иметь какой-либо отраслевой принадлежности. Эта отличительная черта частных интересов может быть объяснена также тем, что их многообразие в конечном счете обусловлено как широким кругом носителей указанных интересов, так и множественностью сфер общественной жизни, в которых частные интересы возникают.

Публичные интересы, которые, как было показано выше, выступают явлением относительно автономным по отношению к позитивному праву, всегда служат мерилom социальной приемлемости закрепляемых позитивным правом интересов частных. С этой точки зрения публичный и частный интересы не только не могут противопоставляться друг другу, но и должны в итоге диалектически коррелировать в рамках правового регулирования общественной жизни. Соответственно, по “присутствию” или “отсутствию” в праве норм, рассчитанных на удовлетворение частного интереса (как было предложено еще Ульпианом⁶), не только невозможно однозначно установить границу между правом частным и правом публичным, но и следует констатировать наличие в большей или меньшей степени выраженных проявлений публичных интересов в совершенно любой правовой норме, действующей в обществе.

Стало быть, публичные интересы благодаря своему проявлению (присутствию) в абсолютно любых сферах общественной жизни могут иметь

⁴ Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. С. 68, 69.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ См. подробнее: Римское частное право. Учеб. / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 1996. С. 4.

единственно только конституционно-правовую природу, так как только отрасль конституционного права, как и лежащий в ее основании верховный правовой акт – конституция, в силу самой своей сути и предназначения незримо проникает во все без исключения другие отрасли права и нормативные установления⁷.

5. Описанные выше отличительные свойства публичных интересов в условиях провозглашенного правового государства делают необходимым постоянное соизмерение юридически значимых и нередко фактических действий тех, кто признан обществом в качестве субъектов реализации публичных интересов (в том числе и тех, кто определяет правовую политику), с “живущими” в обществе представлениями о благе и пользе, нравственном и безнравственном, справедливом и несправедливом и т.д., т.е. с укоренившимися в общественном сознании идеалами и ожиданиями носителя этих публичных интересов (социума). Такое соизмерение достигается за счет наличия у публичных интересов и, как следствие, у всех процессов, связанных с их реализацией, *свойства публичности*, которое указывает на наличие юридически небезразличной вовлеченности всех или многих в те сферы общественной жизни, в которых реализуются соответствующие публичные интересы. При этом публичность как свойство публичных интересов и складывающихся вокруг них общественных отношений не следует отождествлять с такими понятиями, как “гласность”, “открытость”, “прилюдность”: социальной практике известна масса ситуаций, когда публичные интересы могут быть соблюдены и реализованы только при условии сохранения охраняемой законом тайны. В указанных случаях социум, будучи носителем публичных интересов, осуществляет соизмерение действий уполномоченных субъектов с существующими социальными ожиданиями и идеалами “по результату” этих действий.

⁷ О существенных характеристиках процесса конституционализации российского законодательства и в целом российской правовой системы см. подробнее, например: *Хабриева Т.Я.* Этапы и основные направления конституционализации современного российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 6. С. 25–30; *Бондарь Н.С.* Проблемы конституционализации юридического образования в Российской Федерации // Конституция, конституционализм, конституционализация правовых систем: актуальное соотношение понятий и трендов. Тверь, 2013. С. 70, 71; *Кравец И.А.* Формирование российского конституционализма (Проблемы теории и практики). Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2002. С. 153–155; *Крусс В.И.* Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. “Право”. 2012. № 19. С. 104–119; и др.

Соответственно, указанные “результаты” в силу свойства публичности раньше или позже (но в любом случае) должны быть раскрыты обществу или стать известны широкому, индивидуально не определенному кругу лиц произвольным, случайным образом.

В отличие от интересов публичных, частным интересам, а равно и процессу их реализации в конкретных общественных отношениях, не присуще свойство публичности. Иными словами, социум не измеряет соотносимость действий конкретного индивида с укоренившимися в обществе идеалами и ожиданиями⁸.

6. Частные интересы ввиду их бесчисленного разнообразия объективно затруднительно сгруппировать по определенному классификационному основанию. Кроме того, отсутствие у них такого свойства, как публичность, на что было указано выше, не позволяет ранжировать частные интересы в зависимости от ее степени – ведь свойство, как таковое, вообще отсутствует. Но даже если и можно было бы говорить о какой-нибудь уместной группировке частных интересов (например, по признаку согласованности в их содержании одной или нескольких волей отдельных индивидов), т.е. по способу формирования таких интересов, то деление получилось бы в лучшем случае двучленным: индивидуальные (личные) частные и коллегиальные (групповые) частные интересы. Другая возможная классификация частных интересов, как можно предполагать, в общих чертах повторяла бы систему современного права по меньшей мере в части тех ее отраслей, которые имеют дело с юридическим упорядочением со-

⁸ Следует заметить, что данный тезис справедлив лишь при условии, что содержание и направленность частного интереса и (или) процесс его реализации не приводят к нарушению требований позитивного права, установление (сотворение) которых, как было показано выше, в свою очередь, осуществляется в публичных интересах. Если частный интерес по своему содержанию или в процессе его реализации начинает противоречить нормам позитивного права, то он тотчас вовлекается в орбиту действия интересов публичных, заключающихся в недопустимости деформации общественных идеалов и ожиданий под действием интереса отдельно взятого индивида (или их группы). Однако в этой связи частный интерес, вовлеченный в орбиту действия вышеуказанных публичных интересов, все же сам по себе не приобретает свойства публичности: публичность в складывающемся таким образом социальном действии касается здесь не самого идущего вразрез с нормами позитивного права частного интереса отдельного лица или группы лиц, а относится к публичному интересу, состоящему, с одной стороны, в восстановлении по возможности нарушенного частным интересом социального порядка, а с другой – в предотвращении возникновения подобных частных интересов (или способов их реализации) в будущем.

отношения частных интересов индивидов. Стало быть, попытки классификации частных интересов, как представляется, лишены какого-либо существенного практического смысла.

Напротив, публичные интересы, имея единую юридическую природу – конституционно-правовую, – и, несмотря на их довольно абстрактный характер, а также отмеченные выше сложности их словесно-логического описания, тем не менее могут быть дифференцированы по степени важности. Критерием, который позволяет дифференцировать значимость публичных интересов, как раз и выступает степень их публичности – свойства, характеризующего юридически небезразличную вовлеченность общества и его отдельных индивидуально не определенных групп в отношения, связанные с реализацией соответствующего публичного интереса. Группировка публичных интересов по степени их публичности позволяет не только определять оптимальные методы и модели правового регулирования общественных отношений, в которых соответствующие публичные интересы реализуются, но и избирать для этих целей наиболее подходящий юридический синтаксис правовых норм. Например, для закрепления всеобщих (национальных) публичных интересов характерно частое использование норм-принципов, норм-целей, норм-деклараций.

На основе данного критерия можно было бы последовательно выделить несколько видов (уровней) публичных интересов, действующих в обществе, присвоив каждому из видов в определенной степени условные, технические наименования:

а) всеобщие (национальные) публичные интересы, в отношении по реализации которых так или иначе вовлекаются все граждане государства (а в ряде случаев также и иностранные граждане и лица без гражданства);

б) коллективные публичные интересы, связанные с общественными отношениями в политико-правовой сфере и присущие отдельным индивидуально не определенным социальным общностям и группам, имеющим реальные возможности по активному участию в управлении делами государства либо желающим такие возможности приобрести;

в) корпоративные публичные интересы, связанные с общественными отношениями в социально-экономической сфере и объединяющие различные индивидуально не определенные социальные общности и группы (условно выражаясь, социальные корпорации), имеющие реаль-

ные возможности по получению определенных государственных и муниципальных услуг, а также доступ к материальным, интеллектуальным и духовно-культурным благам, в том числе предоставляемым другими индивидами, либо желающие такие возможности приобрести.

Безусловно, выделенные выше особенности и основания дифференциации публичных интересов пока следует рассматривать прежде всего в качестве теоретической гипотезы. Данная гипотеза, очевидно, требует дополнительного обоснования и эмпирического подтверждения. В продолжение изложенного остается, пожалуй, лишь выдвинуть еще и предположение о том, что сопряжение публичных и частных интересов в правовой реальности в конечном счете обусловлено существованием некоего коренного публичного интереса, присущего любому человеческому обществу во все времена. Такой **коренной публичный интерес**, характеризуясь крайней степенью абстрактности, думается, служит средоточием всех иных возможных социальных интересов, непосредственно и неразрывно связан (если руководствоваться аксиологическим подходом) с самой главной социальной ценностью – человеческой жизнью и выполняет роль, образно выражаясь, камертона, который удерживает в упорядоченном состоянии все ритмы общественного развития.

Как представляется, проверку истинности сформулированной выше гипотезы об отличительных свойствах и возможной дифференциации публичных интересов целесообразно увязать с попыткой выявить более или менее конкретное содержание публичных интересов. Решение данной задачи позволит обеспечить достижение ряда теоретических результатов, имеющих принципиальное значение для дальнейших юридических исследований публичной собственности.

Во-первых, поиск и выявление конкретного содержания публичных интересов позволит установить их соотношение и характер взаимодействия с ключевыми правовыми ценностями, а значит, подтвердить или опровергнуть конституционно-правовую природу публичных интересов. Во-вторых, это будет способствовать установлению иерархической взаимосвязи различных публичных интересов, дифференцированных по степени их публичности. В-третьих, переход от абстрактного к более или менее конкретизированному представлению о публичных интересах обеспечит и систематизированное видение структуры публичной собственности во всем видовом многообразии общественных отношений, относимых к данному феномену; такое видение есть

необходимая предпосылка для получения обоснованных выводов о юридической природе феномена публичной собственности, его социальном предназначении, а также о закономерностях его функционирования и правовой регламентации.

Определенную сложность в выявлении конкретного содержания публичных интересов создает то обстоятельство, что в отечественной юриспруденции пока не сложилось устойчивых традиций использования термина “публичный интерес” в научном обиходе. В действующем российском законодательстве и судебной практике данное понятие встречается, но каким-либо образом не раскрывается; кроме того, в отдельных законодательных актах (например, в Гражданском и Земельном кодексах РФ) встречается указание на публичные нужды, содержание и признаки которых также остаются не раскрытыми ни в этих нормативных правовых актах, ни в судебной практике.

Анализ имеющихся научно-теоретических источников, соприкасающихся с проблемой определения содержания публичных интересов, показывает, что исследователи оперируют понятием “публичный интерес” как в единственном, так и во множественном числе. Однако если затем они и отказываются от описательной характеристики публичных интересов, пытаясь сформулировать определенную теоретическую дефиницию, то стремятся представить такую дефиницию в ее наиболее концентрированном смысловом значении⁹. В ряде случаев такие попытки опираются на весьма тщательно взвешенные эмпирические основания: например, Ю.А. Тихомиров определяет публичный интерес как “признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития”¹⁰.

Если исходить из множественности и неравнозначности публичных интересов общества, то следует констатировать, что попытки выработать какое-либо универсальное представление о содержании публичного интереса могут иметь успех лишь постольку, поскольку речь идет о коренном

публичном интересе. Последний, в свою очередь, должен находиться во главе иерархической пирамиды публичных интересов общества и по большому счету иметь свое бытие в любом социуме на всех без исключения этапах его эволюции. Все остальные публичные интересы так или иначе производны от него и приобретают свое конкретное смысловое значение в зависимости от ряда факторов. В частности, едва ли могут быть высказаны сколько-нибудь весомые опровержения того факта, что публичные интересы видоизменяются с течением социального времени; в этом проявляется их историческая изменчивость. Таким же образом можно утверждать, что конкретное смысловое значение публичных интересов предопределяется и конфигурацией социального пространства, т.е. зависит от факторов социальной стратификации, солидаризации различных социальных общностей и групп, территориально-климатических и иных столь же естественных условий существования конкретного общества или его определенной части.

Говоря о проблеме выявления конкретного содержания публичных интересов, следует также обратиться и к аксиологической парадигме “интерес – ценность”. Однако нельзя забывать о том, что не все социальные ценности становятся предметом правового опосредования, равно как и не все действующие в обществе интересы нуждаются в правовой регламентации; но при этом социальные ценности всегда выполняют роль своеобразных центров притяжения, вокруг которых как раз и фокусируются различные интересы людей.

Таким образом, искомая универсальная дефиниция публичного интереса, будучи относима лишь к самому верхнему уровню “пирамиды” публичных интересов – *так называемому коренному публичному интересу*, – так или иначе должна содержать указание на такую социальную ценность, которая является жизненно важной для любого общества и на все времена. В этой связи закономерным выглядит вывод о том, что *в качестве такой социальной ценности выступает и может выступать лишь ситуация, условно говоря, “самосохранения” общества*. Речь идет о таком состоянии общественной жизни, при котором обеспечены:

сохранение соответствующей общности (социума, нации), как таковой, т.е. ее физическое сохранение, включая защищенность от насильственного изменения занимаемой ею территории;

сохранение самоидентичности соответствующей общности (социума, нации), т.е. сохранение

⁹ См., например: Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 55; Кряжков В.А. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Гос. и право. 1999. № 10. С. 92–99; Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Там же. 2002. № 9. С. 25; Жмакина Т.Ю. Конституционные основания публичной собственности в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 43–47; и др.

¹⁰ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 55.

признаков ее социокультурной неповторимости, самобытности;

сохранение направлений и темпов развития соответствующей общности (социума, нации) в планетарной системе координат социальной эволюции, включая возможность этой общности самостоятельно (вне связи с внешним насильственным воздействием или “внутренним” принуждением со стороны государственного аппарата) определять направления такого развития с учетом конкретно-исторического контекста.

Соответственно, с учетом вышеизложенного можно сформулировать следующую универсальную дефиницию: **коренной публичный интерес – это интерес индивидуально не определенного человеческого сообщества (социума, нации), заключающийся в обеспечении его физического и социокультурного сохранения, а также поступательной эволюции в конкретно-историческом контексте.**

Несложно заметить, что данное определение, имея в своей основе аксиологическое измерение фундаментальных основ социального бытия, тяготеет к естественно-правовой философской традиции. Возможно, именно поэтому подтверждения сформулированной дефиниции можно встретить даже в ранних трудах “отцов-основателей” школы естественного права.

Например, по мнению Ш. Монтескьё, собственные ценности и цели существуют у любого государства, и лишь одна цель является общей для всех государств – *охрана собственного существования*¹¹. В еще более ранних произведениях (у Алигьери Данте) встречаются следующие суждения: “Поскольку случается, что в отдельном человеке, когда он... пребывает в покое, благоразумие и мудрость его совершенствуются, очевидно, что и род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем не возмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело..., следовательно было найдено и наиболее подходящее средство, которое приводит к тому, с чем все наши дела соотносятся, как со своею последнею целью, – всеобщий мир”¹².

Размышления о ключевой, жизненно значимой социальной ценности, перекликающиеся с приведенными выше, можно встретить и в трудах русских философов. В частности, В.С. Соловьев писал: “Личность прямо заинтересована в своей

свободе, общество прямо заинтересовано в своей безопасности и благосостоянии, но право и правовое государство заинтересованы прямо не в этом, а только в рациональном равновесии этих эмпирически противоположных интересов”¹³. Опираясь на бинарную оппозицию “частное – публичное”, несложно прийти к выводу о том, что под публичным интересом философ понимает *безопасность и благосостояние общества*.

Сопряжение коренного публичного интереса с главной социальной ценностью, под которой подразумеваются или прямо называются самосохранение и развитие данного сообщества, формулировалось и во взглядах видных представителей русского государственного права. Например, Н.М. Коркунов указывал: “Государство есть общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком”¹⁴. Понятно, что в данном суждении *мирным порядком* ученый именует состояние общественной жизни, при котором социуму (нации) обеспечены самосохранение и дальнейшее развитие.

Аналогичные суждения можно встретить и в работах западноевропейских государствоведов конца XIX – начала XX в. Например, известный представитель французской школы государствоведения Ориу считал главнейшей функцией господствующей власти установление порядка и устойчивости социальных отношений или, по-другому, *установление социального мира*¹⁵.

Установив таким образом конкретное содержание коренного публичного интереса, находящегося во главе “пирамиды” публичных интересов общества, теперь, следуя логике гипотезы о свойствах публичных интересов, сформулированной в начале настоящей работы, и оставаясь в русле аксиологической методологии, необходимо попытаться определить более или менее конкретное значение публичных интересов преимущественно партикулярного порядка, принимая во внимание их производный от коренного публичного интереса характер. Если опереться на предложенную выше дифференциацию публичных интересов общества, то предметно речь должна идти о дедуктивном выявлении конкретного

¹¹ См.: Монтескьё Ш.Л. О духе законов // Избр. произв. М., 1955. С. 166–168.

¹² Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. С. 27, 28.

¹³ Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск – М., 2001. С. 40.

¹⁴ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть / Под ред. и с доп. М.Б. Горенберга. Изд. 6-е. СПб., 1909. С. 27.

¹⁵ Подробнее см.: Рождественский А. Теория субъективных публичных прав, критико-систематическое исследование. Кн. I. Основные вопросы теории субъективных публичных прав. Репринт. изд. М., 1913. С. 84, 85; Hauriou. Principes de droit public. Paris, 1910. P. 79, 135.

содержания прежде всего всеобщих (национальных) интересов.

Как было показано выше, коренной публичный интерес, свойственный любому обществу (нации) во все времена, по существу, есть потребность этого социума к продолжению своего существования; поэтому в своем самом абстрактном выражении коренной публичный интерес общества непосредственно не соприкасается с социокультурными аспектами бытия социума (нации), а имеет сугубо экзистенциальное значение. С этой точки зрения всеобщие (национальные) публичные интересы конкретного социума (нации), в отношении по реализации которых так или иначе вовлекаются все граждане государства (а в ряде случаев также и иностранные граждане, и лица без гражданства), как раз выполняют роль цивилизационного базиса, на почве которого происходит превращение человеческого сообщества как совокупности разрозненных индивидов, занятых решением единственной задачи – обеспечение собственного биологического существования любыми доступными способами и средствами, – в социум (нацию), обладающий социокультурной самоидентичностью и неповторимостью.

Здесь обнаруживается, пожалуй, главное диалектическое различие коренного публично-общественного интереса и всех иных публичных интересов общества. Если *коренной публичный интерес, свойственный любому обществу во все времена, отражает статику общественных ценностных ориентиров*, фокусируясь на той первостепенной ценности, без которой невозможным является само существование социума (нации), то все иные публичные интересы видоизменяются вслед за динамикой преобразования социокультурных ценностей общества в конкретно-историческом контексте. В подтверждение данного тезиса можно, например, вновь обратиться к упомянутым выше рассуждениям Ш. Монтескьё, отмечавшего, что собственные ценности и цели существуют у любого государства сообразно историческим периодам и условиям его существования¹⁶.

Аргументированная позиция на этот счет сформулирована Ю.Ю. Ветютневым. По результатам обстоятельного анализа политико-правовых учений, развивавшихся в разные исторические эпохи, ученый выделяет ключевые социокультурные ценности, представленные в качестве стержневого элемента соответствующих концепций. Так, у Гераклита это – истина, у Платона – единство, у Аристотеля – равнове-

сие, у Цицерона – доблесть, у Фомы Аквинского и Августина – Бог¹⁷. В эпоху Нового времени с формированием антропоцентристской картины мира представления о важнейших социокультурных ценностях меняются и в итоге предстают в учениях разных мыслителей в следующем виде: Гроций – сосуществование, Гоббс и Спиноза – мир, Локк – собственность, Руссо – народ, Кант – долг, Гегель – свобода, Пухта – национальный дух, Маркс – господство, Дюги – солидарность¹⁸ и т.д. Применительно к современному уровню государственно-правового развития человеческих сообществ Ю.Ю. Ветютнев предлагает рассматривать в качестве важнейших социокультурных ценностей следующие¹⁹: солидарность (как некий общий смысловой контекст социальной деятельности); общее благо и социальная польза; свобода; справедливость; равенство; право как условие организации жизни общества в правовой форме; конституированные в праве социальное пространство и время.

Думается, что в рамках решения задачи по выявлению конкретного содержания всеобщих (национальных) публичных интересов вполне уместным будет принять за основу дифференцированную систему социокультурных ценностей, предложенную Ю.Ю. Ветютневым, правда, с некоторыми уточнениями.

Во-первых, следует признать необходимым исключение из числа социокультурных ценностей, вокруг которых фокусируются соответствующие им всеобщие (национальные) публичные интересы, такой ценности, как общее благо и социальная польза. Это связано с тем, что понятие общего блага (и, аналогично, социальной пользы), с одной стороны, крайне абстрактное, а с другой – *apriori* несвободно от оценочной составляющей. Нивелирование субъективных компонентов в представлениях об общем благе и социальной пользе неизбежно приводит к необходимости выразить эти представления в настолько обобщенном виде, что общее благо, по существу, становится тождественным коренному публичному интересу, сливается с ним. В этой связи ученый весьма точно замечает: «Применительно к праву можно рассматривать благо как наиболее обобщенный образ социальной ценности; но именно в этом качестве понятие блага обладает нечетким, “мерцающим” характером»²⁰.

¹⁷ Подробнее см.: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 44.

¹⁸ См.: там же. С. 58.

¹⁹ См.: там же. С. 27, 44, 58, 66, 79, 92–101, 113, 119, 131, 140.

²⁰ Там же. С. 102.

¹⁶ См.: Монтескьё Ш.Л. Указ. соч. С. 166–168.

Во-вторых, предложенные Ю.Ю. Ветютневым дифференциация и систематизация социокультурных ценностей требуют уточнения в части включения в них таких ценностей, как мораль, религия и этика. Конечно, раскрытие смыслового значения каждой из перечисленных категорий вполне могло бы стать предметом самостоятельного обширного анализа. Однако здесь достаточно отметить, что все три перечисленные категории обладают схожим набором признаков, благодаря совокупности которых создается необходимый аксиологически насыщенный фон жизнедеятельности общества, отдельных индивидов и социальных групп: и мораль, и религия, и этика относятся к духовно-нравственной сфере бытия общества и при этом выполняют наряду с правом функцию социальной регуляции. Независимо от субъективного отношения к моральным, религиозным или этическим императивам (признание, соблюдение, безразличие, отрицание и т.д.) они, во всяком случае пока, существуют объективно и, что является главным, именно они (а вовсе не юридические требования) выступают основанием общественных оценок происходящего в окружающем мире с позиций должного и недолжного, правильного и неправильного, справедливого и несправедливого.

Наконец, *в-третьих*, предложенная Ю.Ю. Ветютневым систематизация социокультурных ценностей требует уточнения в части включения в нее такой ценности, как государственность. При этом, в каком бы контексте ни был использован термин “государственность”, он, прямым и теснейшим образом соотносительный с понятием самого государства, всегда будет иметь лишь одно и то же аксиологическое измерение: таковым выступает публичная власть в присущих ей организационно-правовых формах легитимации и отправления. Именно публичная власть представляет собой ядро любой государственности и ту социокультурную ценность, вокруг которой концентрируются и существуют различные публичные интересы – всеобщие (национальные) интересы и главным образом коллективные и корпоративные публичные интересы.

Соответственно, по результатам проведенного анализа более или менее конкретное содержание **всеобщих (национальных) публичных интересов может быть представлено указанием на ряд ключевых социокультурных ценностей, в существовании и обеспечении которых национальные интересы и заключаются: солидарность; государственность и публичная власть; свобода; справедливость; равенство; мораль,**

религия и этика; право, включая конституированные в нем социальное пространство и социальное время.

Сформулированная в предыдущем изложении задача по выявлению более или менее конкретного содержания публичных интересов, казалось бы, предполагает логику дальнейшего исследовательского поиска в этой части: теперь, по всей видимости, следовало бы сосредоточиться на вопросе о конкретном содержании коллективных и корпоративных публичных интересов. Однако целесообразность подобного поиска вызывает сомнение с точки зрения непреложного требования, предъявляемого к любому научному исследованию: полученные научные результаты должны иметь практическую и (или) научно-теоретическую значимость.

С учетом данного требования основанием для высказанного сомнения являются несколько обстоятельств. Прежде всего следует принять во внимание, что коллективные и корпоративные публичные интересы согласно логике предложенной выше дифференциации и систематизации публичных интересов свойственны уже не обществу в целом (социуму, нации), а лишь отдельным его частям – социальным слоям, коллективам, социальным группам и т.д. Эти социальные образования продолжают оставаться неперсонифицированными сообществами людей, но при этом они уже могут быть достаточно отчетливо обособлены, индивидуализированы в социальной среде благодаря конкретному, свойственному только соответствующим социальным группам содержанию генерируемых и выражаемых ими коллективных либо корпоративных публичных интересов. В этой связи многообразие коллективных и корпоративных публичных интересов, как можно ожидать, довольно велико, и зависит оно от того, по какому критерию выделяются определенные социальные страты, коллективы, социальные группы. Если при этом учесть, что любой коллективный или корпоративный публичный интерес может быть в конечном счете сведен к какому-либо из всеобщих (национальных) интересов²¹,

²¹ Наглядным подтверждением тезиса о том, что коллективные или корпоративные публичные интересы так или иначе производны от всеобщих (национальных) интересов, может служить пример, связанный с общественным восприятием такой социокультурной ценности, как государственность и публичная власть. Несмотря на то что сегодня любое более или менее развитое общество (социум, нация) в целом рассматривает государственность в качестве неперемennого условия обеспечения социального мира и порядка, а также в качестве фактора поступательного социального прогресса, представления о том, какой

обозначенных выше, то практический смысл выявления конкретного содержания коллективных или корпоративных интересов неизбежно будет связан с выработкой целей, ключевых ориентиров и принципов политики, реализуемой в той или иной сфере жизни общества или даже в каком-либо отдельном сегменте такой сферы.

Соответственно, выявление конкретного содержания коллективных или корпоративных публичных интересов – насущная задача и соответствующих отраслевых юридических наук, и научных исследований, проводимых в других областях гуманитарного знания. Едва ли с этих

именно должна быть государственность, у различных социальных слоев, коллективов и групп могут отличаться, причем весьма существенно. Разность публичных интересов, генерируемых и проводимых в жизнь различными социальными стратами, коллективами, группами и т.д., как раз есть главная причина и фактор происходящего в обществе политического диалога, а также имеющих место политической конкуренции и борьбы. Однако при этом, насколько бы полярные представления и мнения ни формировались в различных социальных коллективах, необходимость дальнейшей социальной эволюции в форме государственно-организованного общества едва ли может быть поколеблена в какой бы то ни было более или менее ощутимой мере.

позиций выглядела бы оправданной попытка выявить более или менее конкретное содержание коллективных либо корпоративных публичных интересов в рамках какого-либо единственного научного исследования. Тем более что полученный таким образом научный результат (даже если бы он и был в действительности получен), по всей видимости, не мог бы считаться раз навсегда стабильным в контексте изменчивости конкретно-исторических условий жизни общества.

Таким образом, в рамках настоящей работы представляется вполне уместным ограничиться выявлением конкретного содержания коренного публичного интереса и непосредственно связанных с ним конкретизирующих его всеобщих (национальных) интересов. Если учесть, что именно публичные интересы лежат в основании существования такой юридической формы собственности, как собственность публичная, то установленное выше содержание коренного публичного интереса и всеобщих (национальных) интересов видится вполне достаточным для того, чтобы сформировать общее представление об онтологической парадигме публичной собственности и ее предназначении в жизни общества.